

Почему Степан Семенович Куторга (1805–1861) не стал академиком

С.И. Фокин

Университет Пизы, Пиза, Италия; sifokin@mail.ru

Цель настоящей публикации осветить ранее неизвестный момент научной карьеры профессора зоологии Императорского Санкт-Петербургского университета С.С. Куторги, который в 1837 г. рассматривался кандидатом на занятие должности адъюнкта или экстраординарного академика по палеонтологии в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Однако предложение было сделано на условиях отказа от совместительства по университету и полной концентрации своих научных изысканий в сфере ископаемых беспозвоночных животных. Несмотря на активные занятия палеонтологией в течение всей своей жизни, ученый не решился прервать свою университетскую карьеру и не был избран в Академию ни тогда, ни позднее.

Ключевые слова: Академия наук, зоология, палеонтология, Санкт-Петербургский университет, Степан Семенович Куторга.

Жизненная и научная судьба известного отечественного зоолога первой половины XIX в., профессора Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ), фактически создавшего там одноименную кафедру, хотя и с огромными перерывами, но теперь достаточно освещена в литературе (Пузыревский, 1867; Григорьев, 1870; Райков, 1953; Смирнов, 2011; Фокин, 2011; Стародубцева и др., 2020; Fokin, 2022). Фактически, будучи зоологом¹, ученый посвящал уже с начала своей университетской карьеры, и чем дальше, тем больше времени, исследованиям по палеонтологии и геологии. Почти двадцать лет (с 1842 г.) Степан Семенович был

¹ Куторга окончил Медицинский факультет Дерптского университета (ныне Тарту) в 1832 г., но его докторская работа там была посвящена анатомии голосового аппарата пугая; его прямым учителем в университете был изветный немецкий анатом, зоолог и эмбриолог М.Г. Ратке (1793–1860), с которым около полугода после окончания университета Куторга работал в Крыму, в большей степени по зоологической тематике.

директором Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества и редактором издававшегося при Обществе журнала. Список его научных и научно-популярных работ (более 40) явно указывает на значительный палеонтологическо-геологический крен. Известно, что к концу своего университетского служения профессор сильно охладел к преподаванию зоологии и студенты даже подавали прошение руководству университета с целью замены лектора-зоолога (Фокин, 2011). Таким образом, справедливо, что часто ученого называют, прежде всего, одним из первых отечественных палеонтологов, автором работ по описанию палеозойских беспозвоночных, позвоночных и флоры² (рис. 1).

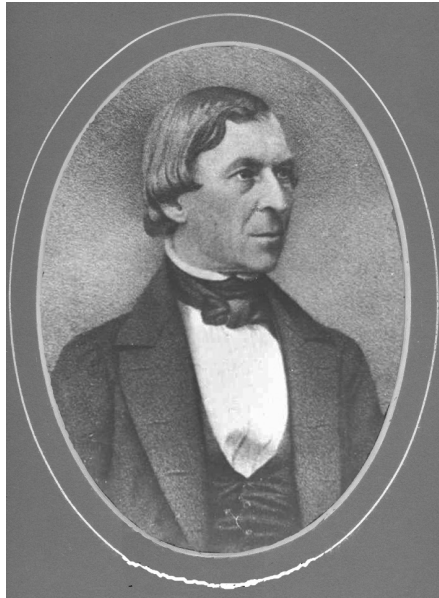

Рис. 1. С.С. Куторга. Санкт-Петербург, 1850-е гг.

Fig. 1. S.S. Kutorga. St. Petersburg, 1850s

В первое десятилетие преподавания Куторги, однако, ситуация была значительно иной. В отличие от своего предшественника, Андрея Васильевича Ржевского (1786–1842?)³, Степан Семенович был живым, энергичным человеком, усердно занимавшимся науками и обладавшим большими педагогическими способностями. Это позволило ему не столько укрепить, сколько, по сути, создать соответствующее

² В его палеонтологических работах наряду с безусловными открытиями были некоторые ошибки, см., например, обзор основных палеонтологических работ Куторги: [Электронный ресурс]. URL: <https://suminia.com/profile/kutorga>.

³ Первый профессор зоологии в ИСПБУ, ученик Кювье. Даты его жизни варьируют в разных источниках. Большинство историков науки сходится в том, что Ржевский не был сколь-нибудь заметным ученым и преподавателем (Фокин, 2011); некоторые (Б.Е. Райков, семейный архив) называли его просто бездарным.

подразделение университета⁴ и воспитать несколько первоклассных ученых, среди которых были К.Ф. Кесслер (получивший пост руководителя кафедры после смерти Куторги), Н.И. Железнов, Л.С. Ценковский, Н.А. Варнек, А.Я. Герд, К.К. Сент-Илер, А.С. Фаминцын и некоторые другие. Карьерный рост Сепана Семеновича по министерству народного просвещения был достаточно быстрым — в 1835 г. (в 30 лет!) он был утвержден экстраординарным, а в 1837 г. — ординарным профессором зоологии ИСПБУ. Потом, правда, рост замедлился, а в 1849 г., благодаря недочетам в работе Куторги в качестве цензора, ученый получил строжайший выговор⁵. Через несколько лет его простили (1853 г.), и закончил Степен Семенович свою служебную (и жизненную) карьеру кавалером двух российских орденов, в чине действительного статского советника и заслуженного профессора ИСПБУ⁶.

Как было в то время принято, многие естествоиспытатели работали одновременно в самых разных областях. Одной из возможных в то время для проф. Куторги областей исследования могла стать протозоология (изучение одноклеточных организмов). Проф. Куторга был одним из первых русских ученых, начавших изучать простейших (инфузорий), которых, правда, он, вслед за известным исследователем одноклеточных существ Х.Г. Эренбергом (1795–1876), считал «совершенными», т. е. многоклеточными, животными (рис. 2). «Это открытие [инфузорий. — Прим. С.Ф.] привело в движение всех исследователей, и всякий, кто имел микроскоп, спешил полюбоваться неутомимым движением этого незримого мира» (Куторга, 1839б, с. 3).

Его книга появилась всего на год позднее знаменитого труда Эренберга: «Die Infusionsthierehen als Vollkommene Organismen» (1838), хотя во многом она была компиляцией сделанного ранее немецким коллегой и сильно уступала в качестве труда, опубликованному в Лейпциге. Монография Куторги, также опубликованная скоро по-немецки в Карлсруэ (Kutorga, 1841), интересна в большей степени в связи с тем, что ученый высказал там свои общие взгляды на происхождение и эволюцию органического мира. С одной стороны, ученый выступил противником идеи самопроизвольного зарождения, которая поддерживалась тогда многими натуралистами. С другой стороны, Куторга отрицал существование переходных форм между растениями и животными, что со времен Аристотеля определялось как специальная эволюционная ветвь — Zoophyta. Эту трансформистскую точку зрения тогда в России поддерживал, например, профессор Медико-хирургической академии ботаник П.Ф. Горяинов (1796–1865), а позднее стал развивать знаменитый немецкий зоолог Э. Геккель (1834–1919). Кстати, эмбриональные стадии развития зародыша высших позвоночных, напоминающие организацию более примитивных животных, были известны задолго до Геккеля, но именно он вывел на их основании свой

⁴ Первый историк ИСПБУ В.В. Григорьев (1870) назвал состояние кафедры зоологии в 1833 г. «самым жалким».

⁵ Государь Император собственноручно написал на докладе цезурного комитета «Куторгу за подобное пренебрежение прямых его обязанностей сверх положенного зыскания посадить на 10 дней на гауптвахту и отрешить от должности цензора, а министра народного просвещения спросить, можно ли его далее оставлять при здешнем университете, ибо я его здесь считаю вредным» (Смирнов, 2011, с. 128).

⁶ Центральный государственный исторический архив СПб (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 55. Д. 4168.

Рис. 2. Таблица оригинальных рисунков различных простейших (инфузорий, жгутиконосцев и амёб), сделанных Куторгой для своей книги 1839 г.

Fig. 2. Table of original drawings of various protozoans (ciliates, flagellates and amoebas), made by Kutorga for his 1839 book

«биогенетический закон»⁷. Такие «новации» полностью отвергались Куторгой, как «совершенный вздор и научная фантазия» (Куторга, 1839, с. 22–23). В этой связи следует обратить внимание на указание Тимирязева (1937), якобы запомнившего⁸, что Куторга в своей лекции 1860 г. приветствовал появление теории эволюции Дарвина.

Видимо, до определенного времени Степан Семенович любил преподавать, и этим можно объяснить его нежелание переходить в ИСПБАН на поставленных академиком условиях — отказа от совместительства в университете и концентрации усилий на изучении вымерших беспозвоночных животных (см. прилагаемую записку академика Бэра и Брандта), и лишить себя тем самым прямого общения и заслуженного отклика и даже восхищения слушателей⁹. При этом, очевидно, про-

⁷ В более «чистом» виде этому взгляду соответствовал «закон зародышевого сходства» К.М. Бэра (1828).

⁸ В правдивости этого воспоминания есть сомнения.

⁹ Помимо штатных лекций в ИСПБУ и Главном педагогическом институте, Куторга читал и платные лекции для широкой публики: «О природе и человеке», «О человеке в естественно-историческом отношении» и т. д.

фессор не стремился понравиться студентам, о чем, например, позднее упоминал один из его тогда молодых коллег по факультету, будущий ректор ИСПБУ и ботаник-академик А.Н. Бекетов (1825–1902)¹⁰:

Некоторым старикам особенно не нравилось появление в их аудиториях женщин.

В числе их особенно брюзжал С.С. Куторга, знаменитый в свое время профессор зоологии. Он отличался превосходным и ясным изложением и вместе с тем некоторою грубостью. Он имел обыкновение не стесняясь называть вещи их именами и притом выискивать простонародные, грубые выражения. Так, например, перечисляя и показывая животных, он говорил их латинские имена и прибавлял русские, часто весьма грубые. «Вот — говорил он, например, — колюшка, иначе пизда-рыбица». И это с невозмутимой серьезностью, не допускавшей в слушателях и улыбки¹¹.

Некоторые его слушатели безусловно восхищались профессором. «Популярное изложение в искренней, оживленной и неискusstvenной речи, сделали меня одним из ревностных слушателей симпатичного профессора. Ни в одной из университетских аудиторий не встречал я столько посторонних слушателей, как у С.С. Куторги», — вспоминал один из его «необязательных» студентов (Чумиков, 1888, с. 142–143). Этому мемуаристу вторят и другие свидетели лекторских успехов проф. Куторги:

Самою большою была XI аудитория; в ней обыкновенно читал С.С. Куторга лекции по зоологии и сравнительной анатомии, привлекавшие массу студентов, даже и тех, для которых было не обязательно их слушанье. <...> Маленького роста, юркий и ловкий, с волосами, спускавшимися в виде локонов, на воротник его вицмундира <...> он, говоря о самом ничтожном, по-видимому, нисколько не могущем интересовать предмете, всецело овладевал вниманием слушателей, раскрывал перед ними заповедную область науки и своим бойким, горячим словом как бы приподнимал завесу неизвестного. Вот в чем заключалось обаяние его лекций (Устрялов, 1884, с. 583, 596).

Поэт Н.А. Арбузов записал в своем дневнике 1848 г.:

Слушал натуралиста Куторгу. <...> Достойный человек и превосходный профессор. Разбирал человеческий череп, прекрасно, точно и ясно как бы раскрывал перед слушателями полную, светлую картину и скелет, который стоял перед кафедрой, качал головой, довершал впечатление, производимое профессорским воображением. Один из скелетов университета принадлежал французской танцовщице... Дар напрасный, дар случайный — Жизнь! Зачем ты мне дана?¹²

Именно под влиянием лекций проф. Куторги Л.С. Ценковский, бывший вначале студентом-математиком (1839), перевелся на Естественное отделение факультета (Ценковский, 1886). «Я как сегодня помню эту замечательную лекцию — писал Лев Семенович. — Я тотчас побежал в правление университета и просил перевести

¹⁰ Это было короткое время 1860–1863 гг., когда представительницы «слабого пола» были допущены к слушанию лекций в ИСПБУ.

¹¹ Институт русской литературы РАН. Рукописный архив. Ф. 70. Д. 13а.

¹² Российская национальная библиотека. Рукописный отдел. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 56. Л. 32.

меня на Естественное отделение; с этой поры я служил верой и правдой естественным наукам почти половину столетия» (Бучинский, 1888). То же, собственно, произошло и с К.Ф. Кессером, занимавшимся сначала в университете чистой математикой (Богданов, 1882). А.Я. Герд после случайно услышанной лекции проф. Куторги перешел на Естественное отделение с Восточного разряда (Райков, 1953).

Вершиной геологических трудов, которые занимали все больше времени ученого, стало создание в 1852 г. геологической карты Петербургской губернии. Она была отмечена Демидовской премией Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (ИСПБАН) и Константиновской медалью Императорского Русского географического общества. Тем не менее, в отличие от младшего брата Михаила (1809–1865), известного историка-эллиниста, избранного в ИСПБАН членом-корреспондентом (1848 г.), Куторга-старший в Академию так и не попал или, как ни странно это звучит для современных ученых, не захотел попасть. Вероятно, роль университетского профессора (чтение лекций по зоологии, палеонтологии, физиологии и анатомии), а равно как и профессора минералогии и геологии Главного педагогического института (1848–1858), перевесили желание и тогда только теоретическую возможность в будущем стать академиком. Кроме того, Куторга постоянно читал публичные лекции, которые приносили ему не только признание и любовь публики, но и деньги. Возможно, меркантильные соображения сыграли и тогда, и потом определенную роль в нежелании отказаться от профессорства в университете — у С.С. Куторги было 7 детей¹³.

Тем не менее в начале своей научной карьеры, что до сих пор не звучало в литературе, Куторга рассматривался очевидным кандидатом на место палеонтолога в русском академическом сообществе. Документ об этом отложился в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН)¹⁴ (рис. 3).

Более 60 лет назад на немецкий текст, написанный академиками Бэрром и Брандтом, обратил внимание историк естествознания, педагог-методист Борис Евгеньевич Райков (рис. 4).

Благодаря любезности вдовы сына историка, известного протистолога-кариолога Игоря Борисовича Райкова, Екатерины Викторовны, я получил возможность ознакомиться с частью архива, не переданной при жизни Бориса Евгеньевича (1880–1966) в СПбФ АРАН и до сих пор хранящейся в семье Райковых¹⁵. Среди привлечших мое внимание документов там оказались и несколько листков, связанных с С.С. Куторгой, которые, очевидно, будут интересны читателям журнала, и прежде всего историкам науки.

До дуэли Пушкина была всего одна неделя... Авторы «заявления» об этом не знали и думали, как и положено ученым-натуралистам, о развитии палеонтологии в России — два русских немца, радеющие о судьбах отечественной науки!

¹³ Дети, которые были живы к моменту смерти их отца (Смирнов, 2011). Адьюнкты и экстраординарные академики в ИСПБАН того времени получали жалованье, не отличавшееся от профессорского (2 500–3 000 руб.); ординарные академики — 5 000 руб.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2. 1837. № 94.

¹⁵ Выражаю мою признательность Екатерине Викторовне и Ольге Игоревне Райковым за эту возможность и всегда дружеское общение.

№ 19
 St. Petersburg, 20 January 1837. (1) 20. 1.

An die Konferenz.

Als in Folge einer Aufforderung der Herrn Vice-Präsidenten die Akademie den Beschluß faßte, durch ausgeschriebene Concurrenz die Zahl ihrer Mitglieder zu vermehren, proponirten die Zoologen, eine angemessene Stelle für die wissenschaftliche Untersuchung der vorweltlichen Thiere und insbesondere der niederen in Verbindung mit Geologie. Es gab damals keine Veranlassung der Konferenz nähere Rücksicht über die Gründe zu geben, warum für ein solches Studium ein Concurs und warum er ~~aus~~ in der proponirten Form ausgeschrieben wurde. Eine solche Veranlassung ist aber jetzt wieder da, und nicht nur passend, sondern auch nothwendig, daß wir diese Rücksicht hiermit ablegen.

Obgleich das wissenschaftliche Studium der vorweltlichen Thierreste so neu ist, daß es kaum über das laufende Jahrhundert zurückreicht, so hat es doch trotz seiner Jugend schon außerordentlich an Umfang und Gründlichkeit der Bearbeitung gewonnen. Mehrere Verhältnisse haben dahin gewirkt, diesen neuen Zweig der Palaeontologie Naturwissenschaft, den man Palaeozoologie zu nennen pflegt, zur schnelleren Entwicklung zu bringen. Die eben so gründlichen, als an Resultaten reichen Untersuchungen Anvers über die vorweltlichen Säugthiere und Amphibien liefern eine ähnliche Kunde von den niederen Thierformen. Die Möglichkeit diese zu untersuchen war durch die erweiterte Kenntniß der lebenden Formen gegeben, und die Lemniscallungen, welche die Geologie am Schluß des vorigen und am Anfange des jetzigen Jahrhunderts erfahren mußte, zu dem genaueren Studium der vorweltlichen Organismen nöthigen, da die widerstrebenden Meinungen über die Bildungsgeschichte der Erdkörper von hienur Bestätigungen oder Widerlegungen zu erwarten hatte.

Рис. 3. Первая страница записки академиков К.М. Бэра и Ф.Ф. Брандта. Санкт-Петербург, 20 января 1837 г.

Fig. 3. The first page of the memorandum written by Academicians K.M. Baer and J.F. Brandt. St. Petersburg, 20 January 1837

Рис. 4. Б.Е. Райков. Ленинград, конец 1920-х гг. Семейный архив Райковых
Fig. 4. B.E. Raikov. Leningrad, late 1920s. Raikov family archive

Заявление академиков К.М. Бэра и Ф.Ф. Брандта, поданное в конференцию Императорской Санкт-Петербургской Академии наук 20 января 1837 года¹⁶

По указанию господина вице-президента, Академия решила, путем объявления конкурса, увеличить число своих членов. Зоологи предложили тогда учредить должность адъюнкта для научного изучения ископаемых организмов, в особенности низших, в связи с геологией.

Тогда не было повода сообщить конференции подробно о причинах, почему был объявлен этот конкурс и отчего он был объявлен в такой форме. Теперь такой повод существует, и нам представляется не только уместным, но и необходимым осветить этот вопрос.

Хотя научное изучение ископаемых останков животных началось так недавно, что едва ли выходит за пределы текущего столетия, все же, несмотря на свою молодость, дисциплина эта уже чрезвычайно расширилась и подверглась основательной разработке. Многие обстоятельства способствовали тому, чтобы эту новую отрасль естествознания, которую называют палеонтологией, направить на путь быстрого развития. Весьма основательные и богатые результаты исследований Кювье, посвященные древним млекопитающим и амфибиям, позволяют надеяться на такое же изучение низших форм животных.

Возможность их исследования возникла благодаря расширению наших знаний о живущих формах, а учение о преобразованиях, которое геология выдвинула в конце прошлого и начале текущего столетий, должно было побудить ученых к точному изучению ископаемых организмов. Противоречивые мнения об истории возникновения земных существ должны быть или подтверждены, или опровергнуты.

¹⁶ Перевод немецкого оригинала был сделан Б.Е. Райковым; здесь печатается отредактированная автором публикации копия из семейного архива Райковых. Все дальнейшие сноски в этом документе сделаны публикатором.

Однако, по мере того, как развивалась научная палеонтология, она, после стадии предварительной научной подготовки, разделилась на две разобщенные области, которые стали разрабатываться совершенно разными людьми. Ископаемые кости позвоночных требуют для их определения точного сравнения со скелетом ныне живущих животных. Они встречаются большей части только в более поздних формациях земного шара. Это дело зооанатомов, которые содействовали появлению этих знаний. Но от беспозвоночных животных первобытного мира сохраняются только внешние части, а так как эти организмы очень многочисленны, то они требуют самого педантичного сравнения между собой и с раковинами и кораллами ныне живущих форм. Так как они сверх того встречаются в очень разнообразных горных массивах, то эта область изучения теперь связана собственно с геологией. Обе науки стали взаимно необходимы одна другой.

Насколько это поглощает всю энергию человека, можно видеть из того, что люди, которые могут считаться представителями этой дисциплины, как Дефранс, Бух, Бронн и другие либо совершенно не активны, либо лишь в малой степени дают о себе знать в других областях естествознания. Движимая такими основательными и тщательными работниками эта дисциплина получила распространение во Франции, где стала научной модой, в Швейцарии, Северной Италии, в Германии и Скандинавии. Что касается до России, то здесь стали известны лишь отдельные фрагменты исследований графа Разумовского¹⁷ и Фишера¹⁸.

Несколько значительнее работы профессоров Энгельгарта, Эйхвальда¹⁹, и Куторги, однако их ни в коем случае нельзя сравнить с обширными исследованиями ученых, выше названных стран. Основательный труд Пандера²⁰ об ископаемых животных окрестностей Санкт-Петербурга правда напечатан, но совершенно неизвестен ученому миру.

Таким образом, как кажется, наше отечество мало принимало участия в этой новой науке, хотя в последнее время <...>²¹ начал обстоятельный труд для польских областей. Но при обширности русского государства, следует ожидать либо новых достижений, либо критики того, что сделано в Западной Европе. Если же эти ожидания не будут реализованы в самой стране местными учеными, то такие исследования, в силу необходимости, перейдут в руки

¹⁷ Разумовский Григорий Кириллович (1759–1837) — геолог и минералог, почетный член ИСПб АН, большую часть жизни провел в Швейцарии, Франции и Австрии. В 1818 г. отказался от российского подданства.

¹⁸ Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (Иоанн Готтгельф) (1771–1853) — русский естествоиспытатель немецкого происхождения, професор ИМУ с 1804 г., с 1819 г. профессор Медико-хирургической академии, д. ст. сов., автор работ по геологии, палеонтологии, зоологии и энтомологии.

¹⁹ Эйхвальд Эдуард Иванович (1795–1876) — из курляндских немцев, медицинское образование получил в Германии и Швейцарии, хотя уже активно начал заниматься зоологией и палеонтологией; доктор медицины Виленского ун-та (1819). После короткого пребывания в качестве приват-доцента в Дерптском ун-те и избрания чл.-корр. ИСПбАН (1824) получил место профессора в Казанском ун-те. С 1839 г. проф. Медико-хирургической академии в СПб., проф. палеонтологии Горного ин-та (1839–1855). Издал «Палеонтологию России» (1850–1868). Его коллекция ископаемых животных стала основой соответствующего собрания ИСПбУ.

²⁰ Пандер Христиан Иванович (1794–1865) — зоолог-палеонтолог и геолог, уроженец Риги, образование получил в Германии; в 1820 г. был избран адъюнктом по зоологии ИСПбАН, с 1826 г. ординарный академик, но через год вышел в отставку; изучал преимущественно ископаемых рыб, описал также много палеозойских беспозвоночных.

²¹ Фамилия не разборчива.

иностранцев. В самом деле, недавно господин Дюбуа уже объездил с этой целью наши южные провинции. Другие последуют за ним, ибо с тех пор как прочно установилась теория поднятия гор, изучение ископаемых останков низших животных получило особое значение. Мы считаем поэтому себя обязанными, ради достоинства русской науки, назвать в данном случае эту отрасль естествознания желательной, и тем самым дать, может быть, повод к тому, чтобы кто-нибудь посвятил себя этой науке. Правда, мало надежды, что отзовется человек, который уже теперь может считаться представителем этой науки. Однако, нам казалось возможным и вероятным, что какой-либо молодой человек, вооруженный необходимой предварительной подготовкой, выразит желание посвятить себя этой дисциплине. В таком случае мы надеемся, что в виду важности этого дела, Академия найдет средства способствовать подготовке таких молодых людей, будь это в пределах нашей страны, или за границей.

В качестве конкурента заявил о себе пока только один человек, который нам известен своими научными трудами. По своей должности профессора зоологии он получил уже признание своими способностями. Это — профессор-адъюнкт Куторга²². Он не чужд дисциплине, которую мы хотели бы иметь у нас представленной, и две его работы сюда относятся²³.

Только мы хотели бы видеть на этом месте человека, который не разбрасывал бы свою энергию. Однако, господин профессор Куторга, уже в силу своей должности преподавателя в университете, занимается не только зоологией всех классов животных, но также и сравнительной анатомией и физиологией. Чем больше он будет заниматься профессорской работой, тем меньше он сможет соответствовать нашим желаниям. Если же он посвятит себя этой дисциплине, то пострадает его почетная должность при университете. Господин профессор Куторга, кажется, принадлежит к числу тех ученых, которых Академия могла бы принять, если только он посвятит себя данной дисциплине. Охотно верим, что профессор Куторга способен завоевать это право. Однако, его прежние работы недостаточно значительны для науки, чтобы теперь же высказаться за него.

Наши предложения, поэтому, заключаются в следующем: Академия сообщает господину Куторге, что она глубоко убеждена в том, что не только общие научные интересы, но и достоинство России требуют, чтобы ископаемые остатки животных, и особенно до сих пор недостаточно внимательно изученные остатки беспозвоночных животных, столь же подробно изучались бы в России, как и в других культурных странах Европы. Но Академия считает, что здесь требуется работа без совместительства. Хотя Академия признает, знания и научное усердие господина Куторги, но все же она боится нанести ущерб указанным интересам науки. Если она выберет его для данной отрасли естествознания, она предвидит, что другая его профессия помешает ему целиком посвятить себя этой отрасли. В то же время Академия готова оказать ему поддержку в его почетных и полезных научных трудах.

Мы представляем Академии право еще добавить, что она не оставляет надежды принять господина Куторгу в свою среду, если он представит другие важные и обширные труды.

20 января 1837 г. Академики Бэр, Брандт.

Заявление академиков было составлено достаточно ясно и, обрисовав общее состояние данной науки в Европе и России, давало понять, что у Куторги была перспектива академического роста, но только в будущем, гарантий на которое ему

²² В это время Куторга был экстраординарным профессором.

²³ Вероятно, имелись в виду работы С.С. Куторги, посвященные окаменелостям из долины Салгира (1834) и по геологии и палеонтологии окрестностей Дерпта (1835).

фактически не давалось. Напротив, были поставлены вполне логичные и определенные условия, в том числе и научные (представить более обширные работы по палеонтологии), на которые ученый пойти, очевидно, не захотел или не смог. Кроме того, в то время в ИСПБАН уже был член-корреспондент по палеонтологии — Э.И. Эйхвальд²⁴ и, стало быть, путь до академика у кандидата вряд ли был бы быстрый. При обширных научных интересах и завидной активности С.С. Куторга не отличался крепким здоровьем — он умер от чахотки на 56-м году жизни. Дело его как зоолога было продолжено в ИСПБУ его прямым учеником К.Ф. Кесслером (1815–1881), а палеонтология в полной мере развилась в ИСПБУ при А.А. Иностранцеве (1843–1919), который принадлежал уже к следующему поколению университетских профессоров-естественников.

Литература

Богданов М.Н. Карл Федорович Кесслер (1815–1881). Биография. СПб.: Типография Демакова, 1882. 64 с.

Бучинский П. Лев Семенович Ценковский // Записки Новороссийского Общества естествоиспытателей. 1888. Т. 13. Вып. 1. С. 1–12.

Григорьев В.В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. СПб.: Типография В. Безобразова, 1870. 432+96+I-CXXXII с.

Куторга С. Описание нескольких новых видов окаменелостей из долины Салгира при Симферополе. СПб.: Типография Н. Греча, 1834. 15 с.

Куторга С. Естественная история наливочных животных, составленная преимущественно из наблюдений Эренберга, с атласом. СПб.: Типография Эдуарда Праца и Ко, 1839. 164 с.

Пузыревский П.А. Краткий очерк жизни и трудов профессора Степана Семеновича Куторги, бывшего директора Императорского минералогического общества // Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества (вторая серия). 1867. Т. 2. С. 341–354.

Райков Б.Е. Из истории зоологии в Ленинградском государственном университете // Вестник ЛГУ. 1953. № 4. С. 73–86.

Смирнов А.В. Профессора-зоологи Санкт-Петербургского университета. Степан Семенович Куторга (1805–1861) // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 119–131.

Стародубцева И.А., Лужная Е.А., Аркадьев В.В. Степан Семенович Куторга — палеонтолог и геолог // Природа. 2020. № 12. С. 35–42.

Тимирязев К.А. Факторы органической эволюции. Речь, произнесенная в третьем общем собрании VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей // Чарлз Дарвин и его учение. М.: Изд-во колхозной и совхозной литературы Сельхозгиз, 1937. С. 300–323.

Устрялов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник: историко-литературный журнал. 1884. Год пятый, июнь. С. 578–604.

Фокин С.И. Люди и коллекции Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. С. 12–42.

²⁴ Эйхвальд, к слову сказать, в академики избран не был.

Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента // Русский архив, издаваемый Петром Бертене. Год двадцать шестой. Кн. третья. 1888. С. 120–150.

Ценковский Л.С. Речь на торжественном юбилее 35-летней его ученой деятельности // Южный край. 1886. № 1772 (оттиск).

Ehrenberg C.G. Die infusionsthierchen als vollkommene organismen. Leipzig, 1838. 547 p.

Fokin S.I. Protistology in the Zootomical Cabinet of the St. Petersburg University (Department of Invertebrate Zoology). People and their destinies // Protistology. 2022. 16 (2). P. 57–67.

Kutorga S. Beitrage zur Geognosie und Palaontologie Dorpats und seiner naechsten Umgebungen. St. Petersburg, 1835. In der medicinischen Buchdruckeri des Ministerium des inneren. 45 S., 7 Tafl.

Kutorga S. Naturgeschichte der Infusionsthiere vorzüglich nach Ehrenberg's. Mit einem Atlasse. Carlsruhe: druck der Christian Theodor Groos'schen Buchdruckerei. 1841. 152 S.

Why Stepan Semenovitch Kutorga (1805–1861) did not become member of the Academy

SERGEI I. FOKIN

University of Pisa, Italy; sifokin@mail.ru

This publication highlights a previously unknown episode in the scientific career of S.S. Kutorga, Professor of Zoology at Imperial St. Petersburg University, who in 1837 was considered a candidate for the post of adjunct or extraordinary member in palaeontology of the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. The proposal, however, was made on the condition of quitting his part-time job at the University and fully concentrating on the studies of fossil invertebrates. Despite being actively involved in palaeontological research throughout his life, Kutorga did not want to abandon his university career and was not elected to the Academy either then or later.

Keywords: Academy of Sciences, palaeontology, Imperial St.-Petersburg University, Stepan Semenovitch Kutorga, zoology.

References

Bogdanov, M.N. (1882). *Karl Fedorovich Kessler (1815–1881). Biografia* [Karl Fedorovich Kessler (1815–1881). Biography]. Sankt-Petersburg: Tipografia Demkova (in Russian).

Buchinski, P. (1888). Lev Semenovich Tsenkovskii [Lev Semenovich Tsenkovskii]. *Zapiski Novorossiiskogo Obshchestva Estestvoispytatelei*, 13 (1), 1–12 (in Russian).

Chumikov, A.A. (1888). *Peterburgskii universitet polveka nazad. Vospominaniya byvshego studenta* [Petersburg University half of century ago. Recollections of a former student]. In: Russkii arkhiv, Izdavayemyi Petrom Bertene. God dvadtsat shestoi. Kn. tretiya [Russian archive, published by Petr Bertene. 26th year, book 3, pp. 120–150] (in Russian).

Ehrenberg, C.G. (1838). *Die Infusionsthierchen als vollkommene Organismen*. Leipzig. 547 p.

Fokin, S.I. (2011). *Ludi i kolekcii Zootomicheskogo kabineta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta* [People and collections of the Zootomic Cabinet of Imperial St-Petersburg University]. In: Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiyu osnovaniya [Zootomic Cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of Sankt-Petersburg University. In commemoration of 140th anniversary of its foundation]. Moscow: KMK, pp. 12–42 (in Russian).

Fokin, S.I. (2022). Protistology in the Zootomical Cabinet of the St. Petersburg University (Department of Invertebrate Zoology). People and their destinies. *Protistology*, 16 (2), 57–67.

Grigor'ev, V.V. (1870). *Imperatorski St.-Peterburgskiy Universitet za pervie 50 let svoego sushchestvovaniya*: Istoricheskaya zapiska, sostavlyennaya po porucheniu Soveta Universiteta ordinarnym professorom po kafedre istorii vostoka V.V. Grigorievym [Imperial St.-Peterburg University during the first 50 years of its existence: Historical account composed on instructions from the University Board by Ordinary Professor at the Department for Oriental History, V.V. Grigoriev]. Sankt-Petersburg: Tipografia V. Bezobrazova (in Russian). 432+96+I-CXXII s.

Kutorga, S. (1834). *Opisanie neskolkikh novikh vidov okamenelostei iz doliny Salgira pri Simferopole* [Description of several new fossil species from the Salgir river valley near Simferopol]. Sankt-Petersburg: Tipografia N. Grecha (in Russian).

Kutorga, S. (1835). Beitrag zur Geognosie und Palaontologie Dorpat's und seiner nächsten Umgebungen. St. Petersburg. In der medicinischen Buchdruckerei des Ministerium des inneren. 45 S., 7 Tafel.

Kutorga, S. (1839). *Estestvennaya istoria nalivochnykh zhyvotnykh, sostavlyennaya preimshchestvenno iz nablyudeniy Erenberga, s atlasom* [Natural history of infusoria, composed primarily from observations made by Ehrenberg, with atlas]. Sankt-Petersburg: Tipografia Eduarda Pratsa I Ko. 164 S. (in Russian).

Kutorga, S. (1841). *Naturgeschichte der Infusionsthierie vorzüglich nach Ehrenberg's Beobachtungen. Mit einem Atlasse*. Carlsruhe: Druck der Christian Theodor Groos'schen Buchdruckerei. 152 S.

Puzyrevskiy, P.A. (1867). *Kratkiy ocherk zhizni i trudov professora Stepana Semenovicha Kutorgi, byvshego direktora Imperatorskogo mineralogicheskogo obshchestva* [Short essay of life and works of Prof. Stepan Semenovich Kutorga, previous director of Imperial mineralogical society], *Zapiski Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo mineralogicheskogo obshchestva (series two)*, 2, 341–354 (in Russian).

Raikov, B.E. (1953). Iz istorii zoologii v Leningradskom universitete [From the history of zoology in Leningrad University], *Vestnik LGU*, 4, 73–86 (in Russian).

Smirnov, A.V. (2011). *Professora-zoologi Sankt-Peterburgskogo universiteta. Stepan Semenovich Kutorga (1805–1861)* [Professors of zoology at Sankt-Petersburg University. Stepan Semenovich Kutorga (1805–1861)]. In: Zootomicheskii kabinet (kafedra zoologii bespozvonochnykh) Sankt-Peterburgskogo universiteta. K 140-letiyu osnovaniya [Zootomic Cabinet (Department of Invertebrate Zoology) of Sankt-Petersburg University. In commemoration of 140th anniversary of its foundation]. Moscow: KMK, pp. 119–131.

Starodubtseva, I.A., Luzhnaya, E.A., Arcad'ev, V.V. (2020). Stepan Semenovich Kutorga — paleontolog i geolog [Stepan Semenovich Kutorga, paleontologist and geologist], *Priroda*, 12, 35–42 (in Russian).

Timiryazev, K.A. (1937). *Fakty organicheskoi evolyutsii. Rech, proiznesennaya v tretiem obshchem sobranii VIII s'ezda russkikh estestvoispytatelei i vrachei* [Facts of organic evolution. A speech given at the third general assembly of the VIII congress of Russian naturalists and physicians]. In: Charls Darwin i ego uchenie [Charles Darwin and his doctrine]. Moscow: Selkhozgiz, pp. 300–323 (in Russian).

Tsenkovskii, L.S. (1886). *Rech na torzestvennom ubilee 35-letii ego uchenoi deyatel'nosti* [A speech at the celebration of the 35-anniversary of his scientific activities], *Yuzhnyi krai, 1772* (reprint).

Ustryalov, F.N. (1884). *Vospominaniya o St.-Peterburgskom universitete v 1852–1856 godah* [Memoirs about St.-Petersburg University in 1852–1856]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*. The fifth year, June, pp. 578–604 (in Russian).